

Е. И. Елисеева

КУЛАЦКАЯ ССЫЛКА В НАДЕЖДИНСКОМ (СЕРОВСКОМ) РАЙОНЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1930-е гг.

В 1930-е гг. репрессии становятся неотъемлемой частью советской тоталитарной системы. Один из первых ударов был нанесен по хозяйственной верхушке деревни — так называемым кулакам. Дело не только в том, что кулаки оказывали всяческое сопротивление колхозному строительству. Главное, они олицетворяли для большинства деревенских тружеников идеал самостоятельного хозяйствования, а также имущественного достатка и тем самым сводили на нет большевистскую пропаганду преимуществ коллективной системы ведения хозяйства. Вот почему с переходом к массовой коллективизации участь кулацкого слоя была предрешена. *Раскулачивание* — это система хозяйственных ущемлений, запретов, конфискаций и жестких административно-правовых ограничений.

21 мая 1929 г. СНК СССР принял специальное постановление «О признаках кулацких хозяйств, в котором должен применяться кодекс законов о труде». В документе были указаны следующие признаки кулацких хозяйств:

- 1) систематическое применение наемного труда;
- 2) наличие в хозяйстве мельницы, маслобойни, крупорушки, просорушки, волночесалки, терочного заведения, картофельной, плодовой или овощной сушилки или другого промышленного предприятия (при условии применения механического двигателя);
- 3) сдача внаем сложных сельхозмашин с механическими двигателями;
- 4) сдача внаем постоянно или на сезон отдельных оборудованных помещений под жилье или предприятие;
- 5) занятие торговлей, ростовщичеством или получение нетрудовых доходов¹.

Совнаркомам союзных республик и краевым (областным) исполкомам было предоставлено право уточнять указанные признаки с учетом местных условий.

Все кулачество делилось на три категории. Первая, самая злостная — контрреволюционный кулацкий актив, участники контрреволюционных и

повстанческих организаций, которые подлежали немедленному аресту. В отношении организаторов рекомендовалось не останавливаться перед применением высшей меры репрессий – расстрела. Отнесенные ко второй категории «отдельные элементы кулацкого актива из наиболее богатых кулаков и полупомещиков» подлежали высылке в отдаленные местности страны, а в пределах данного края — в отдаленные районы. В третью категорию входили оставленные в пределах района кулаки, которые подлежали расселению на новых, отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках².

Почти повсеместно отмечались нарушения при проведении коллективизации и раскулачивания. Наиболее распространенным было подведение середняка и даже бедняка под раскулачивание, угрозы арестом, избиения. Решения по раскулачиванию нередко носили произвольный характер, немалую роль при их принятии играли случайные моменты, а также сведения счетов, соседские отношения, неприязнь.

Начало массовому переселению раскулаченных положило постановление ЦК ВКП(б) от 30.01.30 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором определялись ориентировочные цифры по раскулаченным и места ссылки. Подчеркивалось, что районы высылки должны быть малообжитыми или совсем необжитыми.

Высылке подлежали раскулаченные крестьяне 2-й категории, а также семьи кулаков 1-й категории (главы семей арестовывались). До 1934 г. крестьяне, отправленные в «кулацкую ссылку», назывались спецпереселенцами, в 1934—1944 гг. – трудпоселенцами. Но во второй половине 1930-х гг. продолжали употребляться оба этих термина.

Кулацкая ссылка была ориентирована на решение двух задач: во-первых, удаление и изоляция кулаков в труднодоступные районы страны (социально значимая задача); а во-вторых, освоение малозаселенных территорий и их природных ресурсов. То, что не могло сделать правительство, проводя политику переселения сельского населения на малоосвоенные земли, оно осуществило путем насильственного перемещения раскулаченных крестьян³.

В результате главными районами кулацкой ссылки стали Урал, Сибирь и Северный край. Выселение раскулаченных в районы Северного Урала было спланировано на вторую половину зимы 1930 г. И уже 25 января 1930 г. на закрытом заседании Уралоблисполкома было принято постановление, определившее порядок расселения, первоначальный план и использование выселяемых. Постановление предписывало сосредоточить кулацкую массу «в таких районах, в которых она не могла бы явиться влияющей силой на местное население и не могла бы материально обраться», создать ей «такие материальные условия, при которых она

была бы в полной зависимости от государственных промышленных предприятий, дающих ей заработок»⁴.

Уральская область в административном отношении разделялась на округа. Одним из таких округов был Нижнетагильский, в северной части которого находился Надеждинский район. Надеждинский район делился на 16 поселковых и сельских советов и г. Надеждинск (промышленный центр). В районе на ноябрь 1931 г. насчитывалось свыше 200 населенных пунктов. В 1931 г. в Надеждинский район был влит Сосьвинский район. В 1933 г. территория Надеждинского района была присоединена к Надеждинскому городскому совету. В 1934 г. Надеждинский городской совет вошел в состав Свердловской области (в связи с разделением Уральской области на 3 самостоятельных области)⁵. Надеждинский район вполне отвечал основным требованиям ссылки: он был малонаселенным, имел богатые природные ресурсы (главным образом — лесные).

В связи с постановлением Уралоблиполкома ВКП(б) первые партии выселяемых на север в феврале – марте 1930 г. должны были расквартироваться среди местного населения, а к концу лета им обещали построить жилье. Полномочным представителем ОГПУ на Урале были разработаны графики переселения, хозяйственное обслуживание и трудовое использование спецпереселенцев, рассмотрены вопросы их материально-бытового положения⁶. Однако выселение проводилось в спешке и беспорядке. У спецпереселенцев изымалось все, и зачастую они оказывались в легкой одежде на уральском севере. Расквартировать всех среди немногочисленного местного населения оказалось невозможно не только чисто физически, но и по идеологическим мотивам.

В марте 1930 г. в Надеждинский район прибыло более 25 тысяч спецпереселенцев с Северного Кавказа и из Курганского округа. В пути следования эшелонов до Надеждинска людей довели до истощения, отмечалась высокая детская заболеваемость и смертность. Все прибывающие в Надеждинский узел поселенцы должны были снабжаться горячей пищей и продовольствием на пять дней, однако запланированные продукты не поступили. Тем не менее раскулаченных отправили дальше по железным дорогам Надеждинского комбината, а затем развезли подводами или отправили пешком в уральскую тайгу. Власти на местах оказались неготовыми к приему ссыльных⁷.

Невыносимые условия вызывали среди спецпереселенцев волну недовольства. Об этом свидетельствуют документы: «Весной 1930 г. в первое время их выселения было среди них брожение с участием 700 человек с требованием возврата их на родину и восстановления в политических правах. В Турьинских рудниках была попытка к восстанию. Руководящая головка этого элемента изъята, а более реакционная часть выселена в пределах северных сельсоветов. Настроение переселенцев явно вра-

ждебное, большинство не теряет надежды вернуться обратно, возлагая надежды на антисоветский элемент и правых уклонников»⁸.

К ноябрю 1930 г. в Надеждинский район было выселено 27 тыс. раскулаченных. Основная волна спецпереселенцев в г. Надеждинск приходится на 1930—1931 гг. Они прибывают из Крыма, Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краев, с Украины и из Татарской АССР⁹.

Очень быстро удельный вес спецпереселенцев становится критическим. На 1 ноября 1931 г. в районе насчитывалось 183 018 человек, из них около 87 тыс. спецпереселенцев. До 45 % высланных были трудоспособными, работали на промышленных предприятиях и на строительстве спецпоселков. Остальные (т. е. более половины) являлись нетрудоспособными¹⁰.

Использование труда ссыльных осуществлялось через заключение договоров с хозорганизациями. В Надеждинском районе это были главным образом леспромхозы — Надеждинский, Петропавловский, Богословский, Марсятский, Сосьвинский, а также Богословское шахтоуправление, Союз-Золото, Медный комбинат. В обязанности принимающих организаций входило строительство поселков для раскулаченных, их благоустройство и снабжение необходимыми продуктами и вещами в соответствии с установленными нормами.

Строительство поселков носило во многом стихийный характер, хотя местные органы власти и хозорганизации пытались планировать процессы обустройства ссылки. В срочном порядке под поселки спецпереселенцев отводились земельные участки, отдаленные, как правило, от жилья, без изучения пригодности их для жизнеобеспечения, сельскохозяйственного и производственного использования. Впоследствии стало ясно, что часть поселков не имеет перспективы развития из-за непригодности почв для сельскохозяйственной обработки и отсутствия воды (например, пос. Мари)¹¹.

Строительство поселков велось силами спецпереселенцев. В первую очередь возводились бараки. Сроки запланированного строительства жилья постоянно срывались, так как не выделялось достаточного количества рук, стройматериалов, недостаточным было и финансирование. Тем не менее в Надеждинском районе возводится много спецпоселков: Ауэрбаховский рудник, Воронцовский рудник, Турьинский рудник, Самский рудник, Зеленая Украина, Заречный, Первый Пасынок, Северный Крым, Замарайка, Тесьма, Вагран, Атос, Березовый Падун, Еловый Падун, Новая Кола, Холодный, Веселый, Устея, Межевая, Шегультап, Тота, Копи, Первый разъезд, Красноярский, Лямпя, Волчанка, Лангур, Ликино, Чары, Филькинское углежжение, Бокситстрой, Высотинский, Мостовка и др.¹²

Труд спецпереселенцев использовался прежде всего на тяжелых физических работах — обычно на лесозаготовках и лесосплаве. Кроме того,

они работали забойщиками, чернорабочими на ближних заводах, на углежжении и строительстве, привлекались к сельскохозяйственным работам.

В первые годы спецссылки в Надеждинском районе очень остро стояла продовольственная проблема. Так, в докладной записке в облисполком говорится, что на почве нерегулярного снабжения продовольствием 8 августа 1931 г. на северо-восточной ветке БСЖД произошло выступление спецпоселенцев: до 600 семей ушли с участка в г. Надеждинск с требованием выдачи им хлеба или отправки их на прежнее место жительства¹³. Систематические перебои в снабжении продолжались и в дальнейшем. Председатель райисполкома писал: «Неоднократные выезды спецкомиссий из области для обследования этого вопроса и их пожелания не вносили и не внесли улучшения в снабжении. А наши письменные и телеграфные обращения к областным снабженческим и регулирующим снабжение организациям очень часто остаются без ответа, из этого явствует, что областные организации слабо реагируют на сигнализацию с места»¹⁴. Местные власти ставили вопрос о необходимости по зимнему пути забросить на отдельные участки 6—7-месячный запас продовольствия, потому что летом, особенно в плохую погоду, с этими участками отсутствует сообщение. Но этого не было сделано. «В результате на одном из таких участков из-за перебоев в снабжении 400 семей спецпереселенцев от 8 до 12 суток сидели совершенно без хлеба... при обследовании врачом Ковалевой (облздравотдел) живые переселенцы настолько были обессилены, что не в состоянии были хоронить умерших, то есть лежали повалкой от истощения»¹⁵.

В следующем, 1932 г., ситуация повторилась. Надеждинский район по-прежнему снабжался с перебоями. Сылка была обеспечена продуктами питания и всем необходимым примерно на 60 %. В результате спецпереселенцы употребляли в пищу мох, дерево и разный суррогат, что приводило к инфекционным заболеваниям и истощению.

По данным снабженческих органов за 1932 г. для спецпереселенцев в лесной и горной промышленности в среднем на одного человека в год поступило: муки — 127 кг; сахара — 7,5 кг; масла растительного — 4,75 кг; крупы — 8,5 кг; рыбы — 7,8 кг; мяса — 300 г¹⁶. Отсутствие необходимых продуктов вело к истощению и росту смертности. За 1932 г. умерло 8 265 спецпереселенцев (12 % общего числа спецпереселенцев). Особо высоких размеров смертность достигла в период летних месяцев. В отчетах указывалось: «Если сопоставить причины смертности от заразных заболеваний, то это будет определяться следующим: всего болело заразными болезнями 4 227 человек, беря в среднем смертность по этим болезням 50 % (максимум), то удельный вес к общему числу смертей будет занимать только 30 %, а остальные 70 % падает за счет естественной смерти и истощения»¹⁷.

Плохое снабжение приводило и к другим последствиям:

– Массовые невыходы на работу. В телеграмме Надеждинского горрайотдела ОГПУ 5 января 1933 г. указано: «На красноярском производственном лесоучастке Надеждинского ЛПХ 30-31/ХП-32 г. отказались от работы приехавшие колхозники Краснополянского района в количестве 226 человек. Причину отказа мотивировали холодом, но по имеющимся у нас агентурным материалам видно, что отказ произошел из-за невыдачи спецодежды и продуктов питания, так как продукты из-за неимения на участке выдаются неполностью, кроме соленой рыбы и крупы ничего нет. От питания в столовой колхозники отказываются из-за плохого качества обедов. Имеются факты употребления для пищи “собак” среди колхозников»¹⁸.

– Побег. Так, до 5000 трудоспособных спецпереселенцев сбежали в июле и августе 1932 г.

– Грабежи с исключительной целью попасть в тюрьму.

– Вспышки эпидемии сыпного и брюшного тифа.

– Усиление смертности.

– Массовая продажа обуви и одежды в обмен на хлеб и овощи.

– Снижение производительности труда.

Одним из вопросов выживания ссылки стало наделение спецпереселенцев земель для ведения приусадебного хозяйства. Практически во всех районах хозяйственные организации выступили против наделения ссыльных земель под тем предлогом, что они будут отвлекаться от общественных работ. Большинство леспромхозов при выборе места под поселки совершенно не учитывали возможность занятия спецпереселенцев сельским хозяйством. Так, в Надеждинском районе пос. Воленигорский, Верхнекаквинский, Нижнекаквинский были помещены на болотах, пос. Шанаурский — на скалах¹⁹. В 1930—1931 гг. спецпереселенцам стали выделять землю под приусадебные участки, а также инвентарь и скот. В документах подчеркивалось, что «подсобное хозяйство должно быть в самых незначительных размерах, чтобы не отвлекать их внимания. Однако оно должно обеспечить их собственное потребление овощами и зерном, чтобы избавить государство от завоза продуктов»²⁰. Приближенные нормы надела на Урале определялись следующим образом: под застройку — 0,2 га; огород — 0,15 га; пашня — 0,3 га на едока; сенокос — 2 га на хозяйство. Посевы и промыслы спецпереселенцев освобождались от всех видов налогов до 1933 г.

Осенью 1934 г. в Надеждинском районе в спецпоселках начинают организовать колхозы. Задача была одна — обеспечить город овощными и молочными продуктами. Н. Д. Маренинов вспоминал: «Механизации — никакой. Люди приходили домой после восьмичасового рабочего дня на

строительстве в городе домов, а в шесть часов утра брали лопаты и шли копать землю, чтобы весной посадить картофель и овощи. Одновременно подбирали людей на строительство скотных дворов, так как к весне 1935 года обещали привезти лошадей, коров и свиней. Но, как говорят, обещанного три года ждут. Пришлось колхозникам брать ссуду, чтобы приобрести крайне нужное. К этому времени колхозы уже оформились как самостоятельные единицы с юридическим правом. Весной 1935 года люди продолжали тянуть свою нелегкую лямку. На производстве – восемь часов, а с шести до десяти вечера копали землю под будущий урожай. Каждая семья имела свой огород и впоследствии обеспечивала себя картошкой и другими овощами, а колхоз всю свою продукцию сдавал детским яслям, садикам, столовым. Потом, когда обзавелся за счет ссуды лошадьми, коровами, кроликами, курами, организовал фермы, обязан был всю производимую продукцию сдавать государству за мизерную цену»²¹. Таким образом, с помощью колхозов стабилизировалось обеспечение трудпоселенцев продуктами.

Срочного решения в первые годы ссылки требовала и проблема медобслуживания. В докладной записке в областной комитет ВКП(б) и облисполком 1931 г. сообщалось: «За последний год население района, за счет спецпереселенцев главным образом, увеличилось почти на 100 %, количество же медперсонала осталось то же, что было год тому назад, за исключением фельдшеров среди переселенцев. Для медобслуживания спецпереселенцев у нас нет врачей, акушеров и квалифицированных фельдшеров»²². В этой же записке отмечалось: «... сейчас проводится строительство базовых больниц при производственных участках из расчета 1 койка на 1000 человек. Такой расчет мы считаем крайне недостаточным... и настаиваем на расширении больниц минимум из расчета 2 койки на 1 000 человек»²³.

Смертность среди взрослых порождала беспризорность детей. По состоянию на 25 марта 1933 г. всего по району было 9 детдомов с охватом 1 670 человек²⁴. Под детские дома были приспособлены совершенно необорудованные бараки. Дети не были обеспечены постельными принадлежностями, бельем, обувью и верхней одеждой. Состав воспитателей не соответствовал необходимым требованиям (в Волчанке, Морозково). Детскими домами спецссылки ведали два учреждения — Учебно-производственный комбинат в Морозково и гороно. Оба они не могли улучшить положение детдомов. Особенно отмечалось полное бездействие гороно. В докладной записке в Надеждинский горсовет «О состоянии детдомов Надеждинской спецссылки» говорилось, что, несмотря на то, что в 1933 г. вопросам детдомов уделялось большое внимание ЦК ВКП(б) и горсоветом (были вложены большие средства для улучшения питания, снабжения, оборудования и т. д.), тем не менее осталось

тревожное положение. На январь 1934 г. в районе существовало 6 детдомов, охватывающих 2 434 ребенка до 16-летнего возраста (т. е. по сравнению с предыдущим годом число детдомовцев возросло на 764 человека). В докладной записке сообщалось, что во всех детдомах «свирепствует грязь». Ни в одном детдоме у детей нет зубных щеток и порошка, мыла и полотенца. Отмечалось отсутствие умывальников, баков с кипяченой водой, посуды²⁵.

В очень запущенном состоянии находился детдом на Вагранском участке: «Все помещения детдома не имеют зимних рам. Стекла во многих местах выбиты, не замазаны. В стенах — щели — дует, ламп нет, керосина также. Дрова дети сами на себе возят из лесу и пилят тут же у дверей. Полы провалившиеся. Сплошные грязные нары, на которых дети спят. Совершенно нет столов, стульев, табуреток, тумбочек, вешалок, плевательниц, урн, лозунгов, портретов, плакатов, умывальников и т. д. Нет детской уборной»²⁶.

Единственными продуктами питания детей Вагранского детдома в январе 1934 г. были хлеб и суп из картошки и капусты. Мяса не получали из-за «перебоев в доставке». Молоко, масло, сахар, крупу, жиры дети не получали с лета 1933 г.²⁷ Только в «признанных» гороно детдомах (Богословский, Каквинский и Морозковский) дети были частично одеты и обуты.

Детей использовали на производстве, их труд, как правило, не оплачивали. «Подобная бесплатная эксплуатация детей противоречит Кодексу законов о труде и не имеет ничего общего с советской хозяйственной политикой», — говорилось в одном из документов²⁸. Также отмечалось, что в детдомах, как правило, нигде нет бумаги, красок, игр, музыкальных инструментов, игрушек, радио и т. д. В большинстве детдомов совершенно нет книжек, газет, журналов. «Детям делать нечего, поэтому создается из них несколько пьянствующих, воровских шаек — терроризирующих самих обитателей детдомов и окружающее население. Дети Каквинского детдома сложили похабную песню обо всем руководстве детдома и громко ее распевают. Много антисоветских песен и настроений. Много религиозных детей. Никакой привлекательности для детей детдома не имеют. Избиения детей наблюдаются почти во всех детских домах. Особо необходимо выделить вопрос об имеющихся массовое распространение случаях полового развращения детей»²⁹.

Отмечалось и наличие беспризорных. «В составе трудссылки имеется большое количество семей, которые в силу полной или пониженной трудоспособности не обеспечивают себе прожиточного минимума (инвалиды, старики, вдовы, обремененные детьми, и т. п.). В этих семьях учтена масса детей, которые из-за материальной необеспеченности родных впадают нищенское существование (голодные, раздетые, разутые). Много детей по этим причинам не посещают школы, детсады и, находясь без вся-

кого надзора, занимаются бродяжничеством, хулиганством, а в отдельных случаях встают на путь воровства»³⁰.

Таким образом, проблема оставалась очень острой.

Важны были и вопросы обучения. В докладной записке 1931 г. в областной комитет ВКП(б) и облисполком говорится о том, что почти отсутствует культурное обслуживание взрослого населения, ставится вопрос обучения детей школьного возраста, которых среди спецпереселенцев насчитывается 10 380 человек. «Из расчета 50-ти человек учеников на 1 преподавателя нам требуется свыше 200 учителей. На сегодня мы не имеем ни одного»³¹. Наблюдался недостаток политпросветработников, помещений для клубов и изб-читален, неудовлетворительное их оборудование мебелью и инвентарем. В документах 1935 г. говорится, что проблема до сих пор не решена. «Имеющийся инструктор ГОРОНО тов. Калинин к работе относился халатно. Нами был не раз требован план работы по обслуживанию трудпоселков кино, радио и организации ликбеза, так как эта работа не налажена. На 1935 г. из 929 неграмотных обучается 39 человек. В распоряжении ГОРОНО имеется 7 кинопередвижек, тов. Калинин не знает, где они находятся, а значит, не используются»³².

В первые годы спецссылки отмечается грубое отношение к спецпереселенцам. В ряде сводок ОГПУ сообщалось об издевательствах, которым подвергались высланные кулаки. Так, в Исаковском поселке Надеждинского района комендант систематически избивал ссыльных. Одному из них он сломал руку, женщину ранил из револьвера. Другой начальник, заведующий Богословским производственным участком, требуя выполнения норм выработки, бил спецпереселенцев револьвером по голове. Исаковский комендант присваивал деньги и ценности своих «подопечных». Так же поступали его коллеги из Волчанской и Уст-Ильской комендатур³³.

В 1933 — 1936 гг. завершилось массовое переселение раскулаченных, была создана относительно устойчивая сеть спецпоселений. Расселение трудпоселенцев приобрело упорядоченный вид. Были найдены наиболее оптимальные варианты обустройства спецпоселков, налажены необходимые условия жизни, решены на простейшем уровне проблемы социально-культурного обеспечения и здравоохранения. Что касается производственной деятельности, то высланные продолжали трудиться на тяжелых физических работах — лесопильных заводах, в строительстве, геологоразведке и т. д. Заработная плата репрессированных практически всегда была ниже, чем у вольнонаемных рабочих (это объясняется специальными вычетами из зарплат). На тяжелых физических работах наряду с мужчинами использовались женщины и подростки.

Летом 1935 г. проводилась проверка всех хозорганизаций района. Было отмечено, что условия «более нормальные» у «Союз-Золото» и

Медного комбината. Проверка подтвердила плохое состояние жилья почти во всех трудпоселках, выявила необходимость ремонта: требовалась перестилка полов, перекрытие крыш, установка двойных рам, возведение надворных построек. Нередко проблемы эти решались только силами трудпоселенцев.

Так, например, в Богословском ЛПХ «все дома на всех трудпоселках требуют ремонта (перестилки полов, потолков, крыш, построить уборные), но леспромхоз на это не выделяет рабочих и не предоставляет отпуска, но материала тем переселенцам, которые могли бы сами отремонтировать. Несмотря на то, что поселки построены в 1931 г. и в них живут рабочие, но часть домов остается без печей, нет двойных рам, перегородок»³⁴. Аналогичная ситуация сложилась в Марсятском и Кабаковском ЛПХ. Положительную оценку получил только поселок Богословского шахтоуправления (хозорганизация «Горно-рудная промышленность»): «Благоустройство поселка проводится. Все дома имеют палисадники, произведено изгороди 2 150 п/м, постлано тротуаров 2 500 п/м. Проводится групповая дорога на 2 1/2 км. Посажено 800 деревьев, сделан сад – парк культуры и отдыха, который полностью обслуживает трудпоселенцев. Школьными помещениями поселок обеспечен»³⁵.

Таким образом, во второй половине 1930-х г. появились новые проблемы, связанные с необходимостью ремонта, улучшением условий жизни трудпоселенцев.

Что касается восстановления гражданских прав переселенцев, до 1934 г. оно шло в индивидуальном порядке при наличии 5-летнего стажа общественно-полезных работ и положительной характеристики. Постановление Президиума ЦИК «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков» от 17 марта 1933 г. сообщало, что дети высланных кулаков, достигшие совершеннолетия, восстанавливаются в избирательных правах, если занимаются общественно-полезным трудом и добросовестно работают. Телеграмма из облисполкома в апреле 1934 г. поясняла, что «восстановлению в избирательных правах подлежит в первую очередь та молодежь, которая занимается общественно-полезным трудом, проявляет себя подлинными ударниками как на производстве, так и в деле хозяйственно-бытового освоения спецссылки, окончательно порвавшая связь с кулачеством и ни в чем не скомпрометировавшая себя за время прохождения в ссылке»³⁶.

С 1935 г. трудпоселенцы получили избирательные права, дети могли учиться во всех видах учебных заведений и по достижении 16 лет при выезде на учебу или работу получали паспорта. Но сохранились ограничения на свободу передвижения и выбора места жительства, а также на проведение собраний и создание общественных организаций без санкций комендатуры³⁷.

Ущемления прав трудпоселенцев все еще имели место. Так, в одном из своих писем Главное управление ИТЛ НКВД сообщало, что встречаются случаи «лишения правоиспользования трудпоселенческой учащейся молодежью домов отдыха, участия в экскурсиях, получения ударных обедов и т. д.»³⁸. Также Главное управление ИТЛ НКВД сообщало в 1935 г., что областные и местные организации Свердловской области отказались от финансирования оздоровительных мероприятий (школьных площадок, лагерей) в текущем году среди трудпоселенческой учащейся молодежи.

Во второй половине 1930-х гг., когда репрессии приобрели тотальный характер, в Надеждинском районе многие из высланных «кулаков» оказались вновь репрессированы (в основном раскулаченные из Крымской области, Украины, Северного Кавказа). В большинстве своем это были беспартийные люди, с начальным образованием, простых рабочих специальностей: грузчики, лесорубы, слесари, плотники, портные и др. Обычно им предъявлялось обвинение по ст. 58, п. 6 (шпионаж и подрывная деятельность в пользу иностранного государства). Мера наказания определялась одна — расстрел. На рассмотрение таких дел с момента ареста времени уходило немного — меньше месяца

Кулацкая ссылка продолжалась и в 1940-е гг., но имела тенденцию к сокращению. В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 13 августа 1954 г. она окончательно прекратила свое существование.

¹ См.: *Базаров А. А.* Кулак и агроГУЛАГ. Челябинск, 1998. С. 125—126.

² См.: Книга памяти / Сост. и вступ. ст. В. М. Кириллова. Екатеринбург, 1994. С. 35.

³ См.: *Мазур Л. Н.* Край ссылки: Особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930—1950-е гг. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 180—181.

⁴ Цит. по: Книга памяти... С. 38.

⁵ См.: Архивный отдел администрации г. Серова. Ф. 1 (Исполнительный комитет Надеждинского городского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов). Оп. 3. Д. 4. Л. 10.

⁶ См.: *Кириллов В. М.* История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920-е — начало 50-х гг. Ч. 1. Н. Тагил, 1996. С. 134—135.

⁷ См.: Там же. С. 135.

⁸ Архивный отдел администрации г. Серова. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Л. 18.

⁹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 452. Л. 17.

¹⁰ См.: Там же. Д. 4. Л. 10.

¹¹ См.: *Мазур Л. Н.* Край ссылки... С. 188—189.

- 12 См.: Архивный отдел администрации г. Серова. Ф. 1. Оп. 3. Д. 45. Л. 5.
- 13 См.: Там же. Д. 42. Л. 2.
- 14 Там же.
- 15 Там же. Л. 3.
- 16 Там же. Л. 7.
- 17 Там же. Л. 8.
- 18 Там же. Л. 16.
- 19 Мазур Л. Н. Указ. соч. С. 184—185.
- 20 Там же.
- 21 Маренинов Н. Д. Про былое — с печалью // Серовский рабочий. 1994. № 151. С. 1.
- 22 Архивный отдел администрации г. Серова. Ф. 1. Оп. 3. Д. 42. Л. 4.
- 23 Там же. Л. 5.
- 24 Там же. Л. 16.
- 25 См.: Там же. Д. 45. Л. 12.
- 26 Там же. Л. 10.
- 27 Там же. Л. 13.
- 28 Там же. Д. 28. Л. 14.
- 29 Там же. Оп. 1. Д. 262. Л. 9.
- 30 Там же. Оп. 3 Д. 47. Л. 94.
- 31 Там же. Д. 42. Л. 5.
- 32 Там же. Д. 47. Л. 15.
- 33 См.: Гинцберг Л. И. Массовые депортации крестьян в 1930—31 гг. и условия их существования в северных краях // Отечественная история. 1998. № 2. С. 194.
- 34 Архивный отдел администрации г. Серова. Ф. 1. Оп. 3. Д. 45. Л. 13.
- 35 Там же. Л. 12.
- 36 Там же. Оп. 1. Д. 262. Л. 11.
- 37 См.: Мазур Л. Н. Край ссылки... С. 193.
- 38 Там же. Д. 47. Л. 8.